

Г. П. Каменев

Инна

Русская сентиментальная повесть.

М., Издательство Московского университета, 1979

Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова.

OCR Бычков М. Н.

Царица уныния, мрачная осень облакает природу в печальную свою мантию. Трава блекнет, цветы увядают, и холм, чернеющийся вдаль, смотрит на опустевшую долину. Густые, сизые тучи закрывают лазурь небесную, и лес дремучий сыплет желтый лист на унылую землю. Умолкло пение жителей воздушных. Кусточки не манят меня под тень свою. Прозрачные источники не призывают к прохладе. Томная, печальная душа моя сетует вместе с природою, мрачные мысли ее волнуют.

Хожу я по полям безмолвным, питаю себя черными исчадиями моего воображения. Тихим шагом вступаю в рощу, окружающую монастырь Х...ч...ский*, вхожу в сие святилище тишины и безмолвия и на холодных могилах с трепетом в сердце представляю себе тленность всего земного.

Древняя роща, ты, которой долговечные сосны посмеиваются бурям и свирепству зимы суровой, ты, которой темно-зеленый игольный лист осеняет гробы, вмещающие в себе прахи любезных моему сердцу, ты часто принимаешь меня в густую тень свою!

Сюда, при наступлении ночи, прихожу я беседовать с умершими. Тихие могилы их и таинственное безмолвие, как будто бы усугубляемое томным шумом деревьев, склоняет душу мою к чувствам уныния и горести. Слезы текут из померкших очей моих, они текут и орошают траву увядшую.

Часто посещаю я могилу злосчастной Инны, которой жизнь, исполненная бедствий, и плачевная кончина начертываются в волшебном зеркале моего воображения. Я вижу печальную тень ее под сими древними соснами. Вижу пагубное острие в груди ее. Алая кровь струится по белоснежной одежде. Темно-русые растрепанные волосы развеваются дыханием ветра. Во мраке ночи отражается страшная бедность лица, на котором замерло отчаяние. С неподвижными впавшими глазами подходит она медленно к могиле, недавно землею засыпанной. Последний сердечный вздох ее нарушает глухое безмолвие кладбища. Сострадательная луна скрывается за облако, и смерть, сжалившись над нею, покрывает ее гробным покровом.

Инна жила в ближнем селении, принадлежащем к городу. Она была прекрасна, как майское утро. Томные, лазуревые глаза ее изображали кроткую ее душу; приятный голос, стройный стан возвышали ее прелести, и целомудрие обитало на полных, округляющихся грудях ее. Но тщетно, тщетно природа расточила на нее дары свои: неразборчивое счастье забыло добродетельную Инну, и, подобно душистой розе, цветущей в дебре пустынной, красота ее скрывалась во мраке бедности. Она одним рукоделием питала себя и мать свою, отягощенную слепотою и болезнями.

Русин, юноша с чистым, непорочным сердцем, увидел в уединенных прогулках своих младую Инну, Инна увидела Русина, и в душах их воспалился пламень первой страсти. Природа, ты руководствовала их сердцами, ты питала в них чувства, тобою влияемые.

Русин, предопределенный блистать дарами счастья, имеющий родителя, напыщенного высокомерными о себе мнениями, скрывал от него страсть свою. Он, не надеясь получить дозволения вступить в брак с Инною, томился неизвестностью и ожидал помощи от случая, благоприятного его намерению.

Зимой часто видались они в бедной хижине Инны, ибо слепота ее матери, от которой она также скрывала любовь свою, споспешествовала их тайной страсти. Безмолвные свидания ограничивались красноречивыми взглядами, нежными поцелуями и пламенными, душу потрясающими объятиями.

Но когда весна начала рассыпать свои прелести, когда величественная Волга, соединившись с Казанкою, разлилась по лугам окрестным, отделила город от сего предместия и гордые башни его, златоверхие церкви и мечети рисовались в струях ее зеркальных, тогда Русин каждую ночь под благосклонною завесою мрака в легкой рыбацкой лодке один, с милою Инною в сердце, вверял себя скромным волнам ее. Инна, на берегу его ожидающая, бросалась к нему с распростертыми объятиями. Молчаливые звезды были свидетелями сладких восхищений любовников. Они томились, истаевали, сгорали в пламени чувств своих. Сердца их бились в одну такту. Души их сливались в одну душу.